

— Мне так хочется выкрикнуть что-нибудь смешное, постукивая этой громадной кружкой, но в голову совсем ничего не лезет... — Авелина уперлась кулачком в щеку, внимательно вглядываясь в пузырившееся пиво перед ее лицом, придерживая упомянутую ею стеклянную кружку за рукоять. — Знаешь, стукнуть ей об стойку, захохотать и повеселить всех какой-нибудь историей... эх... я не способна на это.

— Конкретно в данный момент, ты можешь повеселить только лишь меня. — Потирая деревянную кружку, утвердил бармен. — И, если ты хочешь вмазать кружкой по стойке, давай я лучше налью тебе пива в эту, — указав пальцем на кружку в своей руке, предложил он. — Твоя стеклянная, и есть шанс, что ты разобьешь ее вдребезги.

Этим самым «барменом» был не кто-то там, а сам Альфред, и находилась Авелина никак иначе в его баре. По сравнению с обстановкой, в какой бар пребывает во время отсутствия посетителей — это небо и земля. Если во время посещения Августа здесь не было ни души, кроме их самих, то сейчас это место подчистую забито людьми.

И хоть здесь достаточно шумно, это все же не мешает Авелине и Альфреду прекрасно слышать друг друга, потому что она сидит как раз прямо перед ним. Знаете, такое бывает — когда ты приходишь в бар один, вольно-невольно твоим собеседником на вечер становится сам бармен. В особенности, когда вокруг больше и нет желающих потрепаться с этим самым барменом. Для Альфреда это не в новинку — ему каждый раз приходится выслушивать истории самых разных людей, которые забредают к нему на прием. Как ни странно, он помнит практически всех — но относится к ним по-своему холодно, хоть и не подает виду, стараясь быть милым в любом случае. Авелина стала хоть и совсем небольшим, но исключением: к ней Альфред относится по-свойски добро. Вид опечаленной девчушки, желающей залить свое горе алкоголем, заставлял его самого вольно-невольно загрустить, потому что это напоминало ему о прошлом.

Но это уже совсем другая история.

На улице сейчас только-только начинается вечер, люди заканчивают работу, и зайти в бар после тяжелого дня — самое то. Но Авелина оказалась здесь по иной причине. Отчасти, ей действительно всего лишь надо было залить свои душевные терзания алкоголем, но в то же самое время она являлась самым настоящим ценителем пива — это буквально было ее скрытым пристрастием, от которого она не могла отказаться. И по совету Эдварда, или же, вернее будет сказать, Августа, она пришла сюда.

— Не надо мне другой кружки, эта красивая. В ней можно рассмотреть все, что находится внутри... — забывчиво говорила Авелина, и, через пару секунд, сделала глоток из кружки. — Цены соответствуют четвертому уровню, но и пиво тоже потрясающее... — задумавшись, она расплылась в широкой улыбке. — И все же на моей родине было самое вкусное пиво, какое только можно представить. Я бы все сейчас отдала, чтобы туда вернуться...

— Только ради алкоголя, или есть и другая причина, по которой тебе хочется вернуться в родные края? — переспросил Альфред, продолжая потирать кружки одну за другой.

— Ужасно, вы видите меня насквозь, Альфред... — усмехнувшись, сказала Авелина. — После того, как я покинула родину — я стала тем, кем являюсь сейчас. Алкоголиком, пытающемся выехать за счет продажи зелий в самом убогом районе столицы. К тому же, все, что я могла назвать «родиной» давным-давно испепелено в ничто, так или иначе. — Даже при упоминании подобного, ее выражение лица оставалось все таким же счастливым, словно для нее это сущий пустяк... или она просто хочет показать, что для нее это является таковым. — Да, у меня есть причины помимо алкоголя.

— Интересно, как далеко находятся эти твои «родные края», учитывая тот факт, что я совсем не слышал о «испепелении» чего-либо за ближайшие пару-тройку лет. — Альфред на момент остановился, задумавшись о своих словах. — Впрочем, на некоторые вопросы и вправду лучше не знать ответа, не так ли? — улыбнувшись, продолжил он.

— Возможно...

Вдруг, входные двери бара открылись, и на пороге появился еще один человек, который совсем затерялся на фоне веселья остальных посетителей — блондинчик в темном костюме. Помимо костюма на нем был надет еще и странный светлый плащ, который то исчезал, то появлялся вновь. Это был самый кто ни на есть Август, ныне известный как Эдвард. Буквально пройдя насквозь через толпу людей, не замечая никого и ничего, Август присел рядом с Авелиной, не придавая ее фигуре значения, и сразу же обратился к Альфреду: — Ты даже не представляешь, как я утомился!

— Я даже не представляю, как ты утомился, Эдвард. — Повторил за ним Альфред, переводя взгляд то на него, то на Авелину. Его имя он особо сильно подметил интонацией, давая понять, что «начистоту» говорить не стоит. — И все же тебе не следует заявляться сюда в таком виде. По крайней мере, пока бар открыт для свободного посещения.

— Да ладно, мало ли в столице людей, похожих на... того дурака с плакатов, — запнувшись на момент, ответил он, попутно стягивая маску с лица. — Почти что все легкие гвардейцы одеты в точности, как Столичный Убийца, так что, их всех повязать нужно в один момент? Нет.

— Ты видел хоть одного гвардейца, который шастал по барам в столь позднее время? Или... ты вообще видел гвардейца императорской армии в баре? Хоть раз?..

Возмущению Альфреда о некомпетентности и легкомысленности Августа в этот момент не было предела, а сам Август, в свою очередь, был полностью уверен в том, что ему на самом деле сейчас ничего не грозит, и этот старик за барной стойкой волнуется зря.

Но в каком-то смысле, Альфред действительно был прав, ведь гвардейский отряд и вправду никогда не показывается в барах. Таким образом форма, подобная одеянию гвардейцев и костюму Столичного Убийцы, коим Август и являлся, может привлечь к своей персоне лишнее внимание. С другой стороны, действительно, мало ли в столице таких «персонажей», расхаживающих в темных костюмах на пару с темным плащом? Лишь второй, светлый плащ,

накинутый поверх основного одеяния и постоянно исчезающий из виду, хоть как-то выделял Августа на фоне ему подобных.

Они могли бы спорить друг с другом бесконечно долго, но этому не суждено было сбыться, потому что Авелина, которую Август ненамеренно проигнорировал, заметила рядом с собой старого знакомого, которого она не видела вот уже с самого того момента, как их расследование о краже огнестрельного прототипа завершилось. Завершилось неоднозначно, стоит подметить.

— Эдвард?.. — удивленно спросила Авелина, «влезая» в поле зрения Августа, дабы рассмотреть его лицо. — Эдвард!

Удостоверившись, что перед ней находится именно Эдвард Паркинсон, с которым она была знакома, а не какой-то там другой Эдвард, подозрительно похожий на него, Авелина положила ему руку на плечо, окончательно переводя внимание на свою персону. Неторопливо повернув голову, Август снизошел до того, чтобы рассмотреть девушку рядом с ним получше.

— Элизабет?.. — изумленно, и, даже в каком-то смысле смущенно, спросил он. — Прости, я... совсем не ожидал тебя здесь увидеть, если честно.

— Неужто вы знакомы? — удивленно спросил Альфред, оценив этих двоих вместе.

— Да! — Восторженно ответила Авелина, встав со стула. После, она приобняла Августа за левое плечо и прислонилась к нему щека к щеке, продолжая говорить: — Как-то раз мы обсуждали места, где можно поразвлечься в столице, и Эдвард посоветовал мне заглянуть сюда, как у меня выделиться свободная минутка! И вот я здесь, уже не в первый раз! — Закончив «представление», Авелина села обратно на стул и хлопнула в ладошки, вновь привлекая внимание на себя. — Я так рада, что ты пришел!

— Помнишь, ты рассказывал мне про девчонку, которая заметила воришку с моим прототипом и откликнулась на объявление? Так вот, это она и есть. — Продолжил Август, обращаясь к Альфреду, который внимательно слушал их рассказ.

— Получается, это я вас невольно свел? — Альфред продолжал потирать кружки, словно им совсем не было конца. Или, быть может, он потирает одну и ту же... по привычке. — Ну и ну, как тесна императорская столица, однако. Быть может, у вас есть еще какие-нибудь необычные истории для меня? А я с вами поделюсь своим лучшим пивом.

После последних слов Альфреда, огонек блеснул в глазах Авелины и ее было уже не остановить: она травила байки различной правдивости и продолжительности для этих двоих до позднего вечера. За ней не отставал и Август, развеселившейся после кружки-второй, и даже сам Альфред накидывал что-нибудь интересное, осознав, что сейчас он находится во вполне приятной в компании, с которой можно по-настоящему искренне поговорить и выплеснуть накопившейся стресс за прошедший день.

Так могло бы продолжаться и дольше, чем просто до «позднего вечера», но в момент, когда Авелина и Август могли находиться на стуле только с помощью цепляний друг за друга, они поняли, что пришла пора заканчивать попойку. Дождавшись, пока их ноги позволили им находиться на твердой поверхности, они попрощались с Альфредом и покинули бар, решив проводить друг друга до так называемых «Врат».

«Врата» — это сеть городских телепортов столицы, позволяющих мгновенно перемещаться между уровнями от нулевого до пятого. Учитывая огромный масштаб столицы, такая возможность была как раз кстати для каждого жителя столицы. Особенно полезны «Врата» бывают в тот момент, когда надо переместиться куда-либо ночью. Потому что людей сейчас чересчур запугали Столичным Убийцей, и никто не хочет долго таскаться по улицам в позднюю и ночь, которая, судя по всему, наступит совсем скоро.

Август и Авелина шли по улицам четвертого уровня, то и дела хватаясь друг за друга и изредка похихикивая, рассказывая друг другу какую-нибудь дурацкую шутку. Но в какой-то момент они и вовсе перестали говорить и сошлись на том, что им стоит полюбоваться красотами столицы, которые можно открыть для себя только в это время.

Одной из таких «красот» были фонари, работавшие только лишь ночью в некоторые районы. Холодный свет фонарей из магических сфер заметно контрастировал со светом из окон жилых зданий, который сам по себе был более теплый, ибо наибольшая часть людей пользуется естественными, а не магическими источниками света. В некоторых районах фонарей не было, и только лишь этот самый свет из окон служил для этих двоих проводником, напоминающих им о том, что они находятся на улице императорской столицы, а не в темноте. Этот свет... напоминал им своим видом больших светлячков.

Светлячков, желающих указать путь к свету.

Они любовались красотами четвертого уровня ровно до тех пор, пока их прогулка не подошла к концу, ибо до «Врат» оставалось совсем немного, и приходило время для прощания. Людей в этом районе было больше всего, даже несмотря на то, что и в других частях четвертого уровня их было предостаточно. А все потому, что Август и Авелина не единственные гении в этом мире, додумавшиеся до того, что сходить в тот же самый бар после долгого рабочего дня — это совсем неплохая идея, заслуживающая внимания.

— Ну, кажется, мы пришли... — Авелина неторопливо отлипла от Августа, слегка пошатнувшись, и протянула ему руку для рукопожатия. — Пришло ужасное время прощания, где мы должны сказать друг другу «пока» и разойтись, не так ли?

— Да, пожалуй, сейчас самое время... — пожав ее руку, ответил Август. — Если хочешь, я могу проводить тебя до твоей лавочки. Ну, там в самом деле ужасно темные переулки, и я пойму, если ты побоишься идти туда одна в такое позднее время...

— Я скучала по тебе, Эдвард. — Улыбнувшись на его слова, сказала Авелина. — Мы очень давно не виделись, и, в какой-то момент я подумала, что мне не суждено более с тобой

встретиться. Хорошо, что этот день доказал обратное... Надо будет повторить.

— Конечно, нам просто нужно заранее договориться! — В голосе Августа можно было услышать неуверенность, потому что он не знал, что вообще стоит сказать в подобный момент, из-за чего ситуация для него стала еще более неловкой. — Сказать по правде, я в последнее время совсем забылся, и, я сильно слукавлю, если скажу, что тоже не соскучился... просто в последнее время я чувствовал себя странно. Я будто... забыл.

Она прекрасно знала, что он «забыл», но в тот же момент она понимала, что говорить ему об этом не стоит — ибо это разрушит и без того их хрупкие отношения.

— Есть много вещей, которыми я хотела бы... — Авелина отпустила руку Августа и слегка отступила назад, прикрывая лицо ладонью. — ...поделиться с вами... — договорила она.

Вдруг, изо рта Авелина на момент хлынул обильный поток крови, забрызгавший не только ее ладонь, но и шею с платьем, и даже Августа, находившегося перед ней. За этим она почувствовала невероятную слабость в теле, свалившую ее в один момент. Август попытался поймать ее, но у него ничего не получилось — Авелина повалилось набок, и склянки с красной жидкостью, находившиеся у нее на поясе, треснули, а некоторые из них и вовсе разлетелись на маленькие осколки от удара.

— Лиз?! — встав на колени, Август приподнял Авелину за плечи, поставив ее на колени перед собой, и попытался привести ее в чувство. — Что с тобой? Как я могу тебе помочь?

— Нет... — судорожно дотронувшись до разбитых склянок на поясе, Авелина взяла одну из них дрожащей рукой и поднесла к своим губам, выдернув пробку зубами и выплюнув ее в сторону. — Только не сейчас... — стоило ей попытаться выпить хоть немного, как склянка просто развалилась в ее руках, и все, что ей досталось — это лишь капля.

— Послушай, если тебе плохо, я могу позвать помощь... — приподняв ее голову, Август попытался вынудить ее посмотреть ему в глаза, но вместо этого он лишь случайно сбил с нее очки, что через мгновение упали на землю. — Я могу позвать... — испуг на лице Августа перемешался с полным ошеломлением, когда он увидел пылающие, красно-красные глаза вместо привычных ему голубых. — ...доктора. — Закончил он.

Даже если Авелина и захотела бы вновь стереть ему память, чтобы он забыл обо всем, что только что сейчас увидел — она бы не смогла, потому что в конкретно этот момент у нее даже не было сил даже на то, чтобы поддерживать маскирующие чары. Да и в глубине души она понимала, что подобные манипуляции с памятью Августа не могут продолжаться вечно, как минимум из-за того, что ее загрызут остатки ее совести.

Несмотря на то, что ее изначальная цель предполагала исход, в которой ей раз за разом придется избавлять от воспоминаний Августа, она все же сдалась своим же чувствам. Она чувствовала вину за то, что его память буквально оставалась искореженной.

Чары спали окончательно, и кучерявые волосы Авелины избавились от темно-синего цвета, попутно выпрямляясь и приобретая серебристый оттенок. Вместе с волосами побледнела и кожа, став по-настоящему схожей с той, что некогда можно было увидеть у проклятых бессмертием. Но проклятые бессмертием давно исчезли, и оставалось лишь одно «проклятие», в котором прослеживался столь яркий симптом — «вампиризм». Об этом свидетельствовали и склянки, содержимое которых подозрительно сильно своим видом и запахом напоминали Августу о крови, которая и необходима вампирам для выживания.

Ситуация усугублялась еще и тем, что несмотря на поздний вечер, вокруг этих двоих было все же предостаточно людей, и Авелина уже успела подобным падением и последующим превращением собрать на себе пару-тройку лишних взглядов.

С этим надо было что-то сделать.

Она не придумала ничего лучше, чем собрать в себе последние силы и принудительно приподнять оказавшегося в ступоре Августа за плечи. За этим, она закинула руки ему за шею и приблизилась так близко, что не позволяла другим людям заметить то, что происходило с ее глазами, так сильно выделяющимися на фоне тьмы. Сейчас они выглядели как ужасно нелепая парочка со странным поведением, но кровь под ногами и окровавленное платье Авелины портили общий вид. Впрочем, ей удалось отвлечь внимание проходящих мимо людей, намекая, что не стоит совать нос в «личные» дела.

— Прости меня, Август... — тихим голосом обратилась к нему Авелина, слегка приоткрыв рот, тем самым оголяя свои вампирские клыки. — Я сделаю это безболезненно.

На момент, рот Авелины раскрылся неестественно широко, а вместе с этим удлинился язык и все зубы перевоплотились в острые вампирские клыки, нагоняя страх в сердце Августа. Но это случилось лишь на момент, и в то же мгновение Авелина вцепилась в его губы не только ради внезапного поцелуя, который должен был отвлечь внимание других, но и ради того, чтобы насытиться его кровью, что так сильно нужна ей сейчас.

Как нетрудно догадаться, у нее случился приступ крови — момент, в который недостаток крови извне в организме вампира дает о себе знать. Такое происходит не только в том случае, если вампир по тем или иным причинам не может позволить себе испить крови, но и совершенно случайно, наравне с тем, как люди заражаются болезнями.

Август догадался о том, что Элизабет на самом деле вампир. Но он все еще не догадался, что сейчас перед ней находится тот самый демон-вампир, за которой он охотится вот уже не первый год. Та самая Авелина, вампир, к которому у него есть так много вопросов, на которые он столь сильно желает узнать ответы, что готов даже гнаться за глупой легендой о «Вишмастере», что недавно покорила столицу.

— На самом деле, я ненавижу кровь как явление... — заговорила Авелина, отцепившись от губ ошарашенного Августа, продолжающего смиренно стоять на месте, не в силах выговорить и слова, не говоря уже о том, чтобы сделать хоть что-нибудь. — Кровь появляются, когда люди

кровоточат, когда им наносят увечья. Или, проще говоря... — Авелина отошла назад на метр, раскинув руки в стороны и явив взору Августа и окружающих его людей свои демонические крылья, размером чуть ли не с ее тело. — Кровь появляется, когда людям причиняют боль. Именно поэтому я ее ненавижу.

Вопреки тому, чтобы вновь принять маскировку, Авелина напротив, позволила своему истинному облику проявиться во всей красе: пальцы и ногти стали длиннее, из-за чего последние стали напоминать собой когти, зрачки приобрели форму рода кошачьих, выжидающих свою добычу, а зубы превратились в острые, устрашающие клыки.

— Перед концом мира всего, я видела огромное поле, заполненное человеческой кровью на пару с падшими телами. Тогда я почувствовала в себе ужасное отвращение, но мое нутро, извращенное моими же руками, буквально ликовало от такого ужасающего вида. Получается, что несмотря на мое отвращение в сознании, я по итогу все равно не могу перебороть собственные инстинкты, и кровь для меня становится необходимостью.

Неожиданно, Авелину окружил десяток мужчин с однозарядными винтовками сбежавшихся в одно мгновение, ее окружили те самые гвардейцы, упомянутые Августом в баре. И действительно, любой из них был как две капли воды похож на Столичную Убийцу, и, на Августа соответственно — не было только необычного светлого плаща. В остальном же на них была надета темная кожаная форма с маской, так сильно похожая на костюм Августа. Лишь шляпы на голове и иной материал хоть как-то отличали их.

Наравне с тяжелыми гвардейцами, легкие действуют от лица самого императора, но если первые охраняют императорские покои, то легкая гвардия направлена на охоту за нелюдями в столице — за вампирами, вервольфами, демонами, нежитью и всем им подобным. Они — люди, отринувшее в себе все человеческое ради того, чтобы защитить столицу от нечисти. Похоже, они от головы до пят убеждены в праведности своей цели, и, стоит сказать, это видно по их пустым глазам, в которых не было бы хоть какого-нибудь намека на эмоции.

— Я пыталась продержаться без крови так долго, как могла. И, в какой-то момент, мне даже стало казаться, что у меня получается... — Авелина взглянула на свою окровавленную руку, в которой еще оставались осколки от склянки, и, после этого, отчаянно опустила руки от разочарования в самой себе. — Но, как видишь, мне это вернулось вдвойне. Все обернулось наихудшим образом.

— Ваша дальнейшая судьба будет предоставлена в руки церковного «Трибунала». — Заговорил лишь один из гвардейцев, остальные невозмутимо молчали, непоколебимо удерживая винтовки. — Дальнейшее сопротивление лишь усугубит ситуацию.

— Кажется, мы с тобой совсем не похожи на любовную парочку. — Искренне усмехнувшись, заметила Авелина. — Даже обидно. — Последние намеки на улыбку после столь нелепой шутки исчезли с ее лица, и все, что она смогла — это испустить шумный вздох, переполненный такой же искренней обидой на мир. — Правда обидно.

Развернувшись на месте с поднятыми руками и лишив себя свое истинного обличия, оставив лишь серебристые волосы на пару с глазами, Авелина показала таким жестом, что окончательно сдается императорской гвардии. И хоть она сейчас с легкостью могла раскидать их в стороны, или, по крайней мере, попытаться скрыться... она не стала.

Почему? Только она сама может ответить на этот вопрос.

— «Приступ заставляет вампиров невероятным образом страдать, причиняя им сильнейшую боль и превращая их в подобие животных, нежели человека...» — процитировала Авелина, уходя в сторону «Врат» под стражей. — «Но легенда гласит, что больше всего страданий приступы приносят первозданному демону-вампиру — Авелине».

Произнеся это, Авелина постаралась не оставить в Августе сомнений по поводу принадлежности ее настоящей личности. Впрочем, он понял это еще тогда, когда увидел огромные демонические крылья у нее за спиной, не присущие обычным вампирам. Сейчас Август хотел задать ей множество вопросов, накопившихся в нем за столь продолжительный промежуток времени, но он прекрасно понимал, что гвардейцы более не подпустят его и на метр к демону-вампиру — даже несмотря на его статус барона.

Потому что захват первозданного демона-вампира, того, кого ныне называют одним из предвестников темного солнца, которые некогда привели мир к гибели — это событие из ряда вон выходящее, требующее особого вмешательства самого императора и церкви.

— Если люди смогут вздохнуть с облегчением, когда меня публично осудят — так такому и быть. Возможно, это даже в какой-то мере сделает меня счастливой.

— Лиз... — тихо выдавил из себя Август, протянув руку в ее сторону. Но даже столь легкого шепота хватило, чтобы Авелина услышала его слова.

— Мне очень жаль. — Посмотрев на него через плечо, сказала Авелина. — Прощай, Эдвард.

Август должен был чувствовать удовлетворение от того, что так ненавистного им убийцу его отца и брата наконец-таки поймали, но этого не произошло. Вместо этого он получил глубочайший диссонанс внутри себя, непонимание собственных чувств и незнание того, что ему стоило сделать в этот момент на самом деле. Он до самого конца не знал, что он должен делать — ненавидеть ее или принять. Но даже если бы он кинулся спасать ее — он бы не смог, это лишь поставило бы крест на его маскировке под барона.

— Скоро придет медицинская помощь, барон Паркинсон. — Оповестил его оставшейся гвардеец, следующий за своим отрядом последним. — Оставайтесь на месте.

Пропустив его слова мимо ушей, Август дотронулся до своих губ, из которых все еще иногда капали мелкие капли крови, вопящие своим видом о том, что из него только что испил крови вампир одним из самых экстравагантных образов — при помощи ложного поцелуя. Хоть и

выглядело все иначе, но Авелина преследовала лишь цель маскировки и желания получить желанной крови, какого-то другого подтекста под этим не было.

Подобрав разбитые очки с земли, Август так и стоял до тех пор, пока не прибыла обещанная медицинская помощь, от которой он мгновенно открестился. Вскоре, проходящие мимо люди и вовсе перестали подозревать, что здесь совсем недавно задержали саму Авелину, а Август все так же продолжал стоять на месте. Его переполняла необъятная ненависть от того, что он по итогу не смог не то что что-то сделать, но и сказать чего-либо внятного он тоже не смог. Он мог только смотреть.

И это уничтожало его изнутри.

Наступила глубокая ночь, а люди и вовсе исчезли с улиц, но Август все так же продолжал непоколебимо стоять на месте, удерживая в руках очки — те самые очки, которые некогда скрывали истинное обличие глаз Элизабет, или же Авелины. Ведь глаза — это единственное, что не способен изменить даже могущественный демон-вампир.

Август не знал, что он чувствует сейчас на самом деле. Он не знал, считает он Авелину спасительницей, подарившей ему второй шанс вот уже несколько раз, или же убийцей, некогда жестоко расправившейся с людьми, что подобрали его с улицы и воспитали. Или, быть может, как раз факт такого противоречия и вызывает в нем такие сильные сомнения. Были ли ее слова за все это время искренними? Или они являются ложью?

Он не знал. Но он точно знал, что не может с этим смириться.

<http://tl.rulate.ru/book/10646/380360>